

УДК 81.255.2

РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Орехова Н.Н., Максимова М.В.

Глазовский государственный педагогический институт

г. Глазов, Россия

kafrgf@ggpi.org

В статье на основе лингвостилистического анализа стихотворений И. Никитина «По всей степи ковыль» в переводе Д. Роттенберга и «Утро» в переводе Н. Ореховой раскрываются особенности перевода поэтических произведений с русского языка на английский.

Ключевые слова: поэтический перевод, поэзия, И.С. Никитин, лирико-эпическая тональность.

У статті на основі мовностилістичного аналізу поезій І. Нікітіна «По всей степи ковыль» в перекладі Д. Роттенберга і «Утро» в перекладі Н. Орехової розкриваються особливості перекладу поетичних творів з російської мови на англійську.

Ключові слова: поетичний переклад, поезія, І. С. Нікітін, лірико-епічна тональність.

In the article on the basis of a linguostylistic analysis of I. Nikitin's poems "Feather-grass fills the steppe" translated by D. Rottenberg and "Morning" in N. Orekhova's translation the authors outline the specificity of a poetic translation from Russian into English.

Keywords: poetic translation, poetry, Ivan Nikitin, lyrical and epic tone.

Поэтический перевод, история которого насчитывает не одно тысячелетие, имеет свои особенности. Переводчик, выбирая текст, в значительной мере руководствуется своим вкусом, интуицией, созвучностью оригинала неким душевным струнам. Трудно объяснить, почему уже давно и поныне появляются все новые переводы поэзии Пушкина и Лермонтова, двух вершин, но практически не освоено творческое наследие Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, А. Фета. В Интернете на многих сайтах представлены переводы опять-таки в основном поэзии Пушкина и Лермонтова, выполненные известными мастерами (И. Железнова, Е. Бонвер и др.) Не «повезло» и таким мастерам, как А. Кольцов и И. Никитин. Если тоническая поэзия А. Кольцова представляет значительную сложность для переводчика, то трудно объяснить почти полное отсутствие переводов И. Никитина. В 2014 году отмечался «малый» юбилей Ивана Савича Никитина (1824-1861), и мы задались вопросом: переводились ли его стихи на другие языки? К счастью, одна из лирических миниатюр была переведена. Однако сама личность и творчество Никитина, безусловно, заслуживают

более серьезного внимания. Не получивший законченного светского образования (духовная семинария и 3 курса духовной академии), И. Никитин всю свою короткую жизнь усиленно «самообразовывался»: читал литературные журналы и поэтические новинки, состоял в переписке с И. Суриковым, С. Дрожжиным, организовывал в Воронеже литературные чтения и создал небольшую общедоступную библиотеку [1; 2; 4].

Высокую оценку его творчество получило у Л. Толстого, И. Бунина, С. Есенина, А. Твардовского. Своеобразие его проявилось не только в демократизме, но и в **синтезе лирики и эпического начала**, использовании накопленного ранее опыта многообразной русской силлаботоники. Певец природы Придонья, демократ по рождению и убеждениям, И. Никитин владел особым видением окружающего мира и изысканным версификационным мастерством. Одно стихотворение И. Никитина было переведено на английский язык. Переводческий текст принадлежит Дориану Роттенбергу. Этот замечательный мастер был билингом (семья дипломата И. Роттенберга в 1929-1934 гг. жила в Англии), и английский язык стал его вторым родным языком. Участник Великой Отечественной войны, Д. Роттенберг окончил Московский институт иностранных языков и посвятил себя переводческой деятельности. Он получил мировое признание как лучший переводчик поэзии В. Маяковского, переводил К. Чуковского, С. Маршака, С. Михалкова, Р. Гамзатова, выступил как составитель антологии «Пятьдесят советских поэтов» (1969), совместно с В. Огневым.

Стихотворение «По всей степи ковыль» входит в неоконченную поэму И. Никитина «Поездка на хутор» (1859 г.). Обратимся к оригиналу миниатюры, в котором сфокусированы все характерные признаки поэтики замечательного мастера. Это лирическая зарисовка эпического масштаба. Протяженность и широта степного простора, уходящего вдаль, вширь и ввысь, отмечена лексически (по всей степи, все туман, далеко-далека, высоко-высоко в небе точка дрожит, на все стороны путь, необъятная даль, неоглядный простор и др.). Лирический герой охватывает взглядом все видимое пространство, от плывущих в синеве облаков до улыбающихся солнцу цветов.

Использована своего рода кинематографическая техника, когда камера дает панорамное изображение, а затем фокусируется на характерных деталях, средних и крупных планах. Степной простор у Никитина живой, поющий голосом жаворонка и голосами малых сих (гудовень, и поют, и жужжат, раздаются свистки). Яркий солнечный день наполнен сиянием (тонет в золоте день), серебряные нити ковыля создают иллюзию сверкающей реки, радуются солнцу цветы (как живые стоят, улыбаются, глазки на солнце глядят). Высокий эмоциональный фон поддерживается риторическими восклицаниями.

Метрически в стихотворении точно соблюдается анапестическая структура – плавное, неторопливое движение двенадцатистопника,

отражающее эпическую неторопливость. Приведем текст миниатюры, написанной поэтом в 1857 г.

По всей степи – ковыль, по краям – все туман.
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут.
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день.
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то, цветы! Как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка, да без слез, от забот далека.
Вот и речка... Не верь! То под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.
Высоко-высоко в небе точка дрожит.
Колокольчик веселый над степью звенит,
В ковыле гудовень – и поют, и жужжат.
Раздаются свистки, молоточки стучат.
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный простор!

Единственный перевод этого стихотворения был сделан талантливым переводчиком Д. Роттенбергом:

Feather –grass fills the steppe veiled by mist on all sides,
Ancient burial mounds stand out far and wide
Clouds float by through in white silvery crowds,
Cranes call out to each other in their flight through the clouds.
No soul can be seen in the steppes golden haze –
No voice can be heard – far too sleepy the breeze.
And the flowers, and the flowers looking up at the sky,
Seeming almost alive with their radiant eyes,
Seeming almost to say: although brief is our life,
Yet of tears it is free, free of worry and strife.
Lo, a stream! – a mirage. Only feather-grass gleams
Like fine silver beneath the sun's blustering beams.
High above hangs the skylark – a quivering dot
Like a bell tinkling gay in the steppe's scathing hot!
While the feather-grass hums, buzzes, whistles and sings
With the voices of numberless wee living things.
On the path in the grass clouds of dust seem to dance

In a whirlwind that speeds through the boundless expanse.
Go where you will – not a wood, not a hill,
Only steppes lie around, unembraceable, still. [7, с. 130].

В целом перевод, сделанный Роттенбергом, поражает своей близостью к оригиналу. Близостью эмоциональной, структурной, мелодической. Текст перевода пронизан стремлением сохранить духовную наполненность и изобразительные средства оригинала, его образную систему и особенности авторского идиолекта. Формальное и содержательное сходство обеспечивают высочайший уровень эквивалентности.

Обратимся к тексту перевода и попытаемся понять, чем же создается формальное и эстетическое сходство с подлинником.

В первую очередь необходимо отметить редкое для поэтического перевода практически полное построчное соответствие текстов оригинала и перевода. Таким образом, в роли единицы перевода здесь выступает не только весь текст, но и более мелкие отрезки: строки и даже стопы.

Говоря о формальных особенностях перевода, отметим, что переводчик точно воспроизводит двенадцатистопную структуру и консонантную рифму в концевых стопах, заменив анапест на амфибрахий. Выше всяких похвал умение количественно сохранить вокалическую составляющую оригинала 12 /11 гласных.

Авторский стиль сохранен с помощью соответствующей лексики. Что касается синтаксических трансформаций, то они, как правило, вполне адекватны и оправданны. Так, например, при переводе первой строки эллиптическое / назывное русское предложение передано традиционной для английского языка SVO структурой. Однако простота синтаксиса компенсируется здесь выразительностью образов за счет добавления *the steppe veiled by mist on all sides*.

В переводе второй строки наблюдаем ту же картину, однако здесь ритм сохраняется за счет добавления атрибута к слову курган – *ancient burial mound*. При этом эпитет *ancient* создает особую атмосферу дикой, пыльной, свободной степи.

Третья строка практически дословно соответствует подлиннику, за исключением порядка слов.

Четвертая строка достаточно сложна для прочтения вслух: здесь наблюдаем смещение логического ударения на послелог во имя сохранения ритма, достаточно большое количество согласных (21) на 13 гласных, из которых 5 – дифтонги.

В переводе пятой строки привлекает внимание метафорическое использование слова *soul*, достаточно редкое в английском языке, но такое родное и близкое русскому человеку.

Метафора «тонет в золоте день» переосмысливается и передается другой метафорой *steppes golden haze*, что позволяет визуализировать жаркое

степное марево. Что касается синтаксиса данной строки, замена безличной структуры на пассивную вполне оправдана: английский пассив отличается меньшей степенью персонализации деятеля, нежели актив.

В шестой строке происходит замена образа: безмолвие вместо недвижимости травы. Однако сохранен образ «сонного» ветра – *far too sleepy the breeze*. В седьмой строке эмоциональное восклицание цветы-то, цветы передается точным эквивалентом. Далее наблюдаем семантическое варьирование как способ компенсации: глазки на солнце глядят – *their radiant eyes*. При этом эпитет *radiant* создает возвышенное настроение. Эллипсису в оригинале соответствует причастие в переводе. В следующих двух строках эмфатический синтаксис используется переводчиком для сохранения высокого эмоционального накала. Разговорному союзу да соответствует выдвижение предикатива: *although brief is our life*. При этом авторский повтор *коротка – коротка* компенсируется в переводе анадиплосисом *Yet of tears it is free, free of worry and strife*.

Далее убеждаемся, что переводческое решение Роттенберга неизменно эффективно: он компенсирует гибкость и выразительность русского предложения лексическими средствами.

Именно такое воздействие на реципиента оказывает устаревшее: «Lo!» и опять отход от синтаксической структуры подлинника: повелительное восклицание: «Не верь! – передается номинативом а *mirage*. Жара нарастает, становится нестерпимой, читателю приходится прищуриться, чтобы под жгучим лучом (*blustering beams*) увидеть, как колышется серебристый ковыль. Необходимо отметить, что цветовая гамма в целом сохраняется переводчиком: ковыль отливает серебром, отражая солнечный свет. Это значение содержится в лексеме *gleam* – «*shine brightly, especially with reflected light*» [7, с. 601], а затем усиливается сравнением *Like fine silver*. Роттенберг «додумывает» или озвучивает никитинскую метафору в небе точка дрожит: *skylark – a quivering dot*. Глагол *quiver* имеет значение «*to tremble slightly*» [7, с. 1160], что опять-таки позволяет визуализировать крошечного жаворонка в колышущемся от жары воздухе. Интересно, что у Роттенберга жаворонок сравнивается с колокольчиком. При этом нейтральному *bell* придается уменьшительно-ласкательное значение за счет глагола *tinkle* – «*to ring or cause to ring with a series of high tinny sounds, like a small bell*» [7, с. 1517].

В оригинале же, как видится, речь идет о колокольчике на дуге.

Далее, вслед за Иваном Никитиным, переводчик «озвучивает» картинку. Назывное предложение оригинала преобразуется в двусоставное в переводе. Авторский неологизм «гудовень» поясняется посредством ряда глаголов, передающих звуки: *hums, buzzes, whistles and sings*. Далее, в строке 16, следует смысловое развитие. И если в оригинале звуки напоминают скорее маленькую мастерскую, то Роттенбергу удастся воссоздать шум

летней степи, где в траве непрерывно снуют насекомые. При этом многообразие звуков подчеркивается словами *numberless wee living things*.

В строках 17-18 для сохранения метра переводчик использует выдвигание обстоятельства места. Столб пыли, поднявшийся из дорожки глухой в переводе преобразуется в облака пыли, которое вихрем уносится в «безграничную ширь». Интересно соответствие глаголов “поднялась, закружилась, понеслась” – “seem to dance, speeds”. Метафора “the boundless expanse” звучит как-то очень гармонично, по-русски. Да и весь перевод пронизан концептами, которые изначально присущи русскому менталитету: ширь, душа, свобода, тоска. Последние строки – поистине переводческий триумф Роттенберга. Совпало, сошлось воедино все: ритм, рифма, напряженность.

На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Go where you will – not a wood, not a hill,
Необъятная гладь! неоглядный простор!
Only steppes lie around, unembraceable, still.

Сохранению эмоциональной тональности способствует нарушение привычного порядка слов и эллипсис смыслового глагола, а также эпитеты *unembraceable, still*. Широкая, необъятная, равнодушная степь. Свобода – и одиночество.

Вообще хочется отметить кинематографическую выразительность перевода: Роттенберг использует яркие зрительные образы, и картина, возникающая при прочтении перевода ничем не отличается от того, что читатель испытывает при чтении исходного текста: серо-серебристый ковыль, пыльная степная дорога, жаркое солнце в прозрачной голубизне неба, монотонное позвякивание колокольчика, бескрайняя ширь. Дориану Роттенбергу удалось сохранить в переводе эмоциональный настрой и русскую духовность поэзии И. Никитина. Таким образом, единственным переводом на сегодня и ограничивается английская «никитиана», с чем трудно смириться. Не имея практического опыта перевода, а только теоретическое знание транслятологии, мы предприняли попытку перевести хрестоматийный Никитинский шедевр «Утро». Возможно, стихотворение уступает более позднему и зрелому «По всей степи ковыль», но в нем отчетливо проявляется никитинский почерк в контексте всей его поэтики, эстетики и этических доминант.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь - безлюдье вокруг.

Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом – на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит,
Рыбаки в шалаше пробудились.
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет - песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!
16 ноября 1854 – январь 1855 [3].

Morning

Stars are dim and go out. Fleecy clouds are aflame.
Steam white's filling the meadows on all sides.
Glassy water expanse, curly willow bush
Floods the scarlet of dawn far and wide.
Tender reed's dozing still. No sound, no soul.
Indiscernable is dewy path. Yet a bush, touched by chance,
Bursts with numberless tiny drops – silver shower
Pours through coming down onto your face.
Light breeze drawing in, water's rippled and stirred.
Noisy ducks rushed past and were gone in a sweep.
Little bell's softly tinkling somewhere miles off.
In their hut team of fishermen rose from sleep.
They remove fishing tackle, taking ores to the boats,
While the sky in the east is glaring bright.
Little birds're singing songs in the wait of the sun.
Distant wood greets the sun after the night.
Here is rising the sun, glistening over the fields
After his nightly sleep far overseas,
Streams of gold come pouring through all around –
Onto the fields, onto meadows, bushes and trees.
Ploughman singing a song rides along to his field –

There is nothing beyond the fine man's power...
 Soul my! No more pain, rid of worry and strife.
 Welcome you, blissful sun, and jolly morning hour!
 (Перевод Н. Ореховой)

Надеемся, что в переводческом тексте удалось сохранить доминантную лирико-эпическую тональность. Сложнее обстоит дело с метром и вокалической составляющей. Стихотворный размер оригинала можно охарактеризовать как дольник, где доминируют анапестические стопы с инициальными хореическими вкраплениями. В переводе также пришлось прибегнуть к дольнику, в котором сочетаются хореические и дактилические стопы с амфибрахическими и анапестическими. Сохранить высокую вокалическую составляющую оригинала (12-11 гласных) удалось частично (9-11 вокаликов). Смысловая целесообразность аналитических глагольных форм Continuous (при всей выразительности семантики) частично компенсируется формами простого прошедшего Present Simple/Indefinite. Сложнее всего, естественно, была передача реалий, особенно этноспецифических, и фразеологии (кудри лозняка, воду морщит – рябит, шалаш, стоит себе лес, молодец, по плечу и др.), что в целом достигнуто. Произведена замена просторечных форм «скрылися», «пробудилися» на нормативные – кстати, в целом И. Никитин весьма осмотрительно использует такие локально окрашенные вкрапления.

Хотелось бы надеяться, что отечественные переводчики-профессионалы в дальнейшем продолжат знакомить англоязычных любителей поэзии с творчеством И. Никитина, следуя традициям отечественной школы поэтического перевода.

Литература

1. Еремина В. И. Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. – Л. : Наука, 1982.
2. Кузнецов В. И. Иван Саввич Никитин. Русская литература : Популярная иллюстрированная энциклопедия. – М.: Дрофа – Плюс, 2007. – С. 308-311.
3. Никитин И. С. Утро // Наш девятнадцатый век : Хрестоматия в 2-х томах. – Том II / Сост. : В. И. Корвин, В. Я. Коровина. – М., ПТО «Центр», 1995. – С. 351-352.
4. Поэт-демократ И. С. Никитин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976.
5. Тонков В.А. И. С. Никитин. Очерк жизни и творчества. – М. : Просвещение, 1991. – С. 20-23.
6. Longman dictionary of contemporary English. – L. : Longman, Person Education Ltd, 2002. – 1770 p.
7. Three centuries of Russian poetry. – М. : Progress Publishers, 1980. – URL: <http://yandex.ru/neo2> (дата обращения: 19.01.2015).